

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ: Н.А. НЕКРАСОВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

В.И. Габдуллина

**«НЕКРАСОВ – ЯВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ»:
ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА
В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

«Странно бывает с людьми», – замечает Ф.М. Достоевский по поводу своих взаимоотношений с Н.А. Некрасовым, неоднократно отмечая в своем «Дневнике писателя», что лично они сходились мало и редко и лишь однажды вполне с беззаветным чувством, в сорок пятом году в эпоху «Бедных людей» [1], когда между ними «...произошло что-то такое молодое, свежее, хорошее, – из того, что остается навсегда в сердце участвовавших» [2]. «А прожили мы всю жизнь врознь», – с горечью пишет Достоевский, вспоминая прошлое [Достоевский 25: 31]. После смерти поэта Достоевский признаётся: «...в ту ночь я перечёл чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчёт: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет, занимал места в моей жизни!» [Достоевский 26: 111].

Некрасов и Достоевский – люди одного поколения (оба родились в 1821 году), очень тонко и глубоко чувствовали и понимали друг друга, хотя и не были близкими друзьями. Между ними установилась особенная связь, о которой Достоевский пишет: *«...что-то продолжалось в нашей жизни, начатое еще в юности, еще в сорок пятом году, и как бы не хотело и не могло прерваться...»* [Достоевский 26: 112]. Взаимное притяжение двух художников проявилось в том, что личность одного становилась предметом творческой рефлексии для другого: Некрасов, по свидетельству Достоевского, изобразил его в поэме «Несчастные» в образе каторжника Крота [4]; некоторые черты личности Некрасова, осмысленные Достоевским первоначально на страницах «Дневника писателя», прототипически преломились в характере героя романа «Подросток» [5].

Тему Некрасова можно рассматривать как одну из сквозных тем «Дневника писателя»: она возникает в 1873 г., в период становления программы будущего единоличного издания Достоевского, когда «Дневник писателя» выходил как одна из рубрик редактируемого им газеты-журнала «Гражданин», и получает свое завершение в последнем выпуске «Дневника писателя» за 1877 г.

Впервые Достоевский пишет о Некрасове в главе IV «Дневника писателя» («Гражданин» № 3, от 15 января 1873 г.), названной автором «Нечто личное», где передается разговор с *«издателем одного угаснувшего теперь журнала», который «заканчивал замечательное и влиятельное на литературу и публику существование»* [Достоевский 21: 23]. Имя издателя не названо, но довольно прозрачные намеки свидетельствуют о том, что речь идет о Н.А. Некрасове – редакторе «Современника». В этой главе Достоевский впервые вспоминает о времени своего знакомства с Некрасовым, когда тот восторженно принял первый роман начинающего писателя «Бедные люди»: *«Не называя его имени, скажу лишь, что первая встреча моя с ним в жизни была чрезвычайно горячая, из необыкновенных, для меня вечно памятная»* [Достоевский 21: 24]. Далее автор «Дневника писателя» упоминает еще об одной встрече, которая произошла в начале шестидесятых годов: *«По возвращении моем из Сибири мы очень редко встречались, но раз мельком он сказал мне чрезвычайно теплое слово и по одному поводу указал на одни стихи – лучшие, что он написал когда-либо»* [Достоевский 21: 24]. Об этой второй не менее памятной своей встрече с Некрасовым Достоевский неоднократно вспоминает в «Дневнике писателя» всякий раз, когда речь заходит о поэте. Комментарий главы IV «Дневника писателя» за 1873 г. Е.И. Кийко утверждает, что «лучшим стихо-

творением Некрасова Достоевский считал «Власа» и именно на это стихотворение указал ему Некрасов, мотивируя это тем, что разбору именно этого стихотворения Достоевский посвятил следующую главу «Дневника писателя» за 1873 г. Однако, есть все основания считать, что речь в данном случае идет о поэме «Несчастные», это подтверждается сравнением отрывков из «Дневника писателя» за 1873 и 1877 гг. Очевидно, что именно к этому эпизоду своего общения с Некрасовым Достоевский дважды возвращается в 1877 г. (в январском и декабрьском выпуске), вспоминая: *«Когда я воротился из каторги, он указал мне на одно стихотворение в книге его: “Это я об вас тогда написал”, – сказал он мне»* [Достоевский 25: 31]; *«Так однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он указал мне на одно стихотворение, «Несчастные», и внушительно сказал: “Я тут об вас думал, когда писал это” (то есть, об моей жизни в Сибири), “это об вас написано”»* [Достоевский 26: 112] (26, 112). Таким образом, становится ясно, по поводу чего было сказано Некрасовым *«чрезвычайно теплое слово»*, о котором Достоевский вспоминает в «Дневнике писателя» 1873 г., и на какое именно стихотворение указал Некрасов Достоевскому.

В этой же главе («Нечто личное») автор «Дневника писателя» 1873 г. впервые заговорил о Некрасове как об одном *«из самых страстных, мрачных и “страдающих” наших поэтов»* [Достоевский 21: 24], предваряя оценку, которую он даст ему в 1877 г.: *«Страстный к страданию поэт!»* [Достоевский 25: 31].

Следующая V глава «Дневника писателя» 1873 г. посвящена стихотворению Некрасова «Влас». Выбор именно этого произведения объясняется интересом к его проблематике. По словам Н.К. Михайловского, «Достоевский указал на некрасовского «Власа» как на вещь сильную и глубоко проникающую в народную душу» [Михайловский 1897, 5: Стлб. 432]. Достоевского-критика интересует, прежде всего, идея, заложенная художником в его герое. Её трактовка дается в духе почвеннической концепции, лежащей в основе «Дневника писателя», поэтому в анализе Достоевского акценты смещены согласно собственному видению народного характера. Как на важнейшую черту в характере Власа Достоевский указывает на *«потребность отрицания»*, способность попасть в вихрь *«моментального самоотрицания и саморазрушения»*. По Достоевскому, эта черта уживается в народном характере со *«страстной жаждой страдания»*, *«жаждою самосохранения и покаяния»*. С «Власом» Некрасова происходит процесс «переакцентуации», о котором М. Бахтин писал как о постоянном и закономерном явлении в исторической жизни классических произведений, «благодаря заложенным в них интенциональным возможностям» [Бахтин 1975: 231].

В образе Власа из стихотворения Некрасова Достоевский видит факт объективного отражения в литературе характерного явления жизни. *«Величавый образ народный»* родился у поэта как бы независимо от его намерений, и в этом, по Достоевскому, – признак истинного поэтического дарования. *«Да ведь и поэт же вы; не могло быть иначе»*, – замечает Достоевский в скобках, обращаясь к Некрасову [Достоевский 21: 32].

Некрасовский образ в восприятии автора «Дневника» прошел все те стадии осмысления, о которых Достоевский писал в статье «Рассказы Н. Успенского»: *«Если бессознательно описывать один материал, то ничего не узнаем; но приходит художник и передает нам свой взгляд об этом материале и расскажет нам, как это явление называется, и назовет нам людей, в нем участвующих, и иногда так назовет, что имена эти переходят в тип, и наконец когда все поверят этому типу, то название переходит в имя нарицательное для всех относящихся к этому типу людей»* [Достоевский 19: 181]. В главе «Влас» Достоевский поступает одновременно и как критик, и как художник. Он создает интерпретационный вариант образа некрасовского Власа; по-своему трактуя тип героя стихотворения, Достоевский стремится заставить читателей поверить этому типу, построив анализ стихотворения таким образом, чтобы подчеркнуть важнейшую, по его мнению, черту в его характере. На этом основании автор «Дневника» в дальнейшем употребляет имя Власа как нарицательное для обозначения определенного народного типа. *«Я потому припомнил этого стихотворного Власа, что слышал на днях один удивительно фантастический рассказ про другого Власа, даже про двух, но уже совершенно особенных, даже неслыханных доселе Власов»*, – пишет Достоевский.

евский, переходя от первой части главы (от анализа стихотворного образа) ко второй (к рассказу о *«происшествии истинном»*), где имя некрасовского героя становится нарицательным. В третьей части главы *«особенный разбор»* происшествия, о котором поведал старец-советодатель, переходит в размышления о судьбе *«современного Власа»*, где Влас – это образ-символ русского народа.

Литературный образ и действительный факт сосуществуют в главе «Влас» на равных: глубина литературного образа раскрывается в свете действительного факта, художественный образ, в свою очередь, помогает глубже осмыслить явление народной жизни. В этом Достоевский видит несомненную заслугу Некрасова как создателя образа огромной художественной силы. *«Чем сильнее художник, – писал Достоевский ещё в 1861 г., – тем вернее и глубже выскажет он свою мысль, свой взгляд на общественное явление и тем более поможет общественному сознанию»* [Достоевский 19: 181].

Проблема функционирования образа Власа в «Дневнике писателя» по-разному решалась исследователями. Все они сходились во мнении, что некрасовский Влас стал в публицистике Достоевского «символом встревоженной человеческой совести, ищущей правды» [Долинин 1963: 90], «символом огромной народной правды, мерой человеческой (русской) души» [Туниманов 1971: 60]. С этим мнением не согласна Т.В. Захарова, которая считает, что в «Дневнике писателя» из сравнения литературного образа и факта из народного быта «строится новый образ». Исследовательница называет его «образом народной души» [Захарова 1975: 11]. По мысли Т.В. Захаровой, в «Дневнике писателя» сосуществуют «два Власа» – Влас Некрасова и Влас Достоевского. Очевидно, что в данном случае как самостоятельный трактуется интерпретационный вариант «чужого» образа. Влас как образ-символ живет в контексте «Дневника писателя» новой жизнью, однако заслуга открытия этого образа принадлежит не Достоевскому. В последних строках главы автор «Дневника» напоминает о герое стихотворения, давшем имя образу-символу, указывая на судьбу некрасовского Власа как пример, питающий его уверенность в будущем народа: *«Но вспомним «Власа» и успокоимся: в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело божие»* [Достоевский 21: 141]. Некрасовский образ оценивается Достоевским в перспективе раздумий о судьбах России; автор вводит литературный образ в контекст современных проблем, осветив его собственным видением. Влас – это находка Достоевского, обнаружившего в создании большого художника глубоко символическое содержание.

Таким образом, автором «Дневника писателя» уже в первых его выпусках 1873 г. задана парадигма рассмотрения темы Некрасова: воспоминания о своих встречах с поэтом, психологическая характеристика его личности, проблема народности его поэзии, осмысление поэта и его творчества с собственных художественных позиций.

В «Дневнике писателя» за 1877 г. некрасовская тема занимает особое место: в январском номере Достоевский делится своими впечатлениями о прочитанных в «Отечественных записках» «Последних песнях», пишет о болезни поэта, попутно вспоминая историю своего знакомства с Некрасовым; в декабрьском выпуске, вышедшем после кончины Некрасова, памяти поэта посвящена вся вторая глава – таким образом, тема Некрасова как бы обрамляет годовой цикл выпусков единоличного журнала Достоевского.

Автор «Дневника» ставит перед собой задачу: *«...выразить подробнее, как смотрю я на такое замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и нашей поэзии, каким был Некрасов, и в чем именно заключается, по-моему, суть и смысл этого явления»* [Достоевский 26: 113]. Таким образом, Достоевский подчеркивает, что Некрасов рассматривается им как явление жизни и литературы, как *«исторический тип»* человека и поэта. *«Некрасов – явление историческое»*, записывает Достоевский в черновике [Достоевский 26: 197]. Следует также отметить, что в связи с оценкой деятельности Некрасова Достоевский поднимает проблему личности художника, его нравственного и гражданского облика, которая была в центре внимания автора на протяжении всего периода работы над «Дневником писателя».

Историческое значение поэзии Некрасова Достоевский определяет в главке второй – «Пушкин, Лермонтов, Некрасов», которая представляет собой мастерски написанную «литературную параллель» [6]. По верному замечанию Г.М. Фридлендера, «в речи, произнесенной на могиле поэта и в написанном вслед за этим некрологе, Достоевский один из первых охарактеризовал историческое место Некрасова, поставив его имя “вслед за Пушкиным и Лермонтовым”, признав, что его поэзия была “новым словом” в истории русского общества» [7].

Главный критерий, выдвинутый Достоевским, при оценке деятельности трёх русских поэтов, – народность их поэзии. *«Величие Пушкина, как руководящего гения»* Достоевский видит в том, что он *«нашёл великий и возделанный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход – народность, преклонение перед правдой народа русского»* [Достоевский 26: 117]. Эту мысль во всей её полноте Достоевский разовьёт позднее в своей речи на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году.

В поэзии Лермонтова Достоевский обнаружил *«большие и точные указания»* на то, что он способен был отыскать исход, *«как и Пушкин, в преклонении перед правдой народной»* [Достоевский 26: 117]. Автор «Дневника» отмечает, что Лермонтов, при всей *«мрачности»* его поэзии, *«чуть лишь коснется народа, тут он светел и ясен»*. Указывая на «Песню про Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», Достоевский видит бессмертие этого произведения в выражении в нем духа спокойной уверенности народа в его праве защитить свою честь и достоинство. Утверждение Достоевского – *«остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного “печальника народного”»* – воспринимается как «замечательное критическое прозрение» автора «Дневника писателя» [8].

То, что большей частью в потенции заключалось в поэзии Лермонтова, по мысли Достоевского, зафиксированной им в черновике, в полной мере воплотил в своем творчестве Некрасов: *«Лермонтов точно так же отдался бы весь народу, но это суждено Некрасову»* [Достоевский 26: 207]. Достоевский говорит о Некрасове как о последователе Пушкина. В этом смысле его *«новое слово»* можно считать *«новым»* только относительно уже сказанного Пушкиным. Пушкин остается для Достоевского недостижимой величиной: *«Опять-таки, я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю, кто ниже, потому что тут не может быть сравнения, ни даже вопроса о нём. Пушкин, по обширности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце над всем нашим интеллигентным мировоззрением»*. По мнению автора «Дневника писателя», *«Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, малая планета, но вышедшая из этого же великого солнца»* [Достоевский 26: 118]. Такая оценка соотношения вклада Пушкина и Некрасова в русскую поэзию была для Достоевского принципиальной. Автор «Дневника» противопоставляет её прозвучавшему на похоронах Некрасова и затем появившемуся в демократической печати мнению, что Некрасов «выше Пушкина».

Утверждая «первичность» пушкинского творчества, автор «Дневника» подчеркивает, что поэзия Некрасова отнюдь не подражательная: *«И мимо всех мерок, кто выше, кто ниже, за Некрасовым остаётся бессмертие вполне им заслуженное, и я уже сказал почему – за преклонение его перед правдой народной, что происходило в нём не из подражания какого-нибудь, не вполне по сознанию даже, а потребностью, неудержимой силой»* [Достоевский 26: 18]. В объяснении самобытности таланта Некрасова, Достоевский обращается к анализу личности поэта, утверждая, что *«любовь к народу у Некрасова была лишь исходом его собственной скорби по себе самом»* [Достоевский 26: 119].

В главке третьей «Поэт и гражданин. Общие толки о Некрасове как человеке» автор заявляет, что «заговорив о Некрасове как поэте, действительно никак нельзя миновать говорить о нём как о лице, потому что в Некрасове поэт и гражданин – до того связаны, до того оба необъяснимы один без другого и до того взятые вместе объясняют друг друга, что, заговорив о нём как поэте, вы даже невольно переходите к гражданину и чувствуете, что как бы принуждены и должны это сделать и избежать не можете» [Достоевский 26: 120]. Достоевский подчеркивает органичную связь личности поэта и его творчества – постижение всей глубины поэзии Некрасова невозможно без проникновения в сущность его натуры и, наобо-

рот, понять Некрасова как человека нельзя без понимания сущности его поэзии. В своем понимании личности поэта Достоевский близок к позиции в этом вопросе Белинского, который писал: «Личность поэта не есть что-нибудь безусловное, особо стоящее, вне всяких влияний извне. Поэт, прежде всего, – человек, потом гражданин своей земли, сын своего времени» [Белинский 1982: 544].

Противоречивые толки о Некрасове-человеке, вспыхнувшие в прессе после его смерти, ставили под сомнение искренность Некрасова-поэта. Достоевский, заговорив о нем в своём «Дневнике», не мог умолчать об этих толках. *«Конечно, во всяком случае лучше не говорить, но я пришёл к убеждению, что выяснить личность»*, – находим в черновике незаконченную, но достаточно выразительную запись (26, 200). Разговор о «грехе» Некрасова задан стихом из молитвы, услышанной Достоевским у гроба поэта: *«Несёт человек, иже не согрешил»* [Достоевский 26: 111].

Достоевский объясняет «практичность», «умение обделывать свои дела», в чем обвиняли Некрасова, противоречием, в которое вступила чистая «гордая душа» ещё в своей юности с «жаждой мрачного угрюмого, отъединенного самообеспечения», унаследованной им от полного унижений и позора детства в родительском доме. В черновых записях Достоевский рассуждает об истоках трагедии Некрасова, кроющихся в «былой чуждой жизни», «жизни бесформенной и безобразной, неудовлетворяющей» [Достоевский 26: 206]. Писатель обосновывает для себя (в черновике) необходимость «выяснения личности» Некрасова: *«Я не извиняю, а выясняю лицо. <...> Тут не оправдание его, тут лишь выяснение фигуры его, чтоб не ошибиться, чтоб судить по возможности точно. Иначе, спеша оправдать, чрезвычайно умалим и даже унижим значение Некрасова как поэта»* [Достоевский 26: 205]. Последняя фраза особенно знаменательна, так как Достоевский считает, что лучшие страницы поэзии Некрасова не появились бы на свет без самого искреннего самобичевания, которому подвергал себя поэт. Признавая искренность страдания поэта, отразившегося в его стихах, необходимо признать и то, что мучило его – *«Нечто мрачное, темное и мучительное бесспорно, потому что – что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признания, что “он упал”, эта страстная исповедь перед тенью матери? Тут самобичевание, тут казнь?»* [Достоевский 26: 121].

Судьба Некрасова, по мысли Достоевского, типична для «жизни разлагающейся». *«Некрасов есть русский исторический тип, – пишет автор «Дневника писателя», – один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время»* [Достоевский 26: 126]. Нетрудно заметить, что в трактовке личности Некрасова Достоевский исходит из своего понимания современного исторического типа, получившего воплощение в героях его романов. Автор пишет о «демо́не гордости», завладевшем неокрепшей душой будущего великого поэта еще в юности, демоне «жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной» [Достоевский 26: 122]. *«Миллион – вот демон Некрасова!»*, – утверждает Достоевский, найдя, как он считает, ключ к разгадке противоречивой натуры поэта. Одновременно писатель набрасывает эскиз характера будущего героя романа «Подросток» – носителя «ротшильдовской идеи», уже опробованный им в романе «Идиот» в образе Гани Иволгина, имеющего «капитальную цель» – стать «королем иудейским» [Достоевский 8: 105].

По мнению Достоевского, покаянные стихи Некрасова – результат его внутренней борьбы со своим «демоном»: *«В самом деле, мы знаем лишь стихи, но что мы знаем о внутренней борьбе его со своим демоном, борьбе несомненно мучительной и всю жизнь продолжающейся?»* [Достоевский 26: 123].

В истории взаимоотношений Некрасова с народом, в интерпретации Достоевского, возникает мотив блудного сына. Видя в Некрасове «явление историческое», Достоевский трактует его в том же ключе, что и тип «русского бездомного скитальца» (хотя само это определение появится тремя годами позже – в 1880 г в «Речи о Пушкине»). Достоевский представляет начало жизни Некрасова как время его отпадения от корней, в результате чего он ока-

зался не защищенным от искушений демона, присоавшегося «к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца» [Достоевский 26: 122]. Возвращение поэта к народу, по Достоевскому, – это возвращение к духовным истокам: «он шел и бился о плиты бедного сельского родного храма и получал исцеление» [Достоевский 26: 125]. Автор «Дневника» уверен в искренности, принесенного поэтом покаяния: «Не избрал бы он себе такой исход, если бы не верил в него. В любви к народу он находил нечто незыблемое, какой-то незыблемый и святой исход всему, что его мучило» [Достоевский 26: 125].

Важнейший вопрос, который решает Достоевский при оценке творчества любого поэта или писателя в «Дневнике писателя», – «Честен ли он?» – в главе о Некрасове решен положительно. «Выкупил ли он искренностью – конечно, нет, но был честен», – заключает Достоевский [Достоевский 26: 200], что дает право Некрасову-поэту на признание современников и потомков: «Порывы любви этого поэта так часто были искренни, чисты и просто-сердечны! Стремление же его к народу столь велико, что ставит его как поэта на высшее место. Что же до человека, до гражданина, то опять-таки, любовью к народу и страданием по нём он оправдал себя сам и многое искупил, если, действительно, было что искупать...» [Достоевский 26: 126]. Разрешая спор о Некрасове поэте и гражданине, автор «Дневника писателя» называет народ главным «свидетелем в пользу Некрасова» – так названа последняя глава выпуска, посвящённого Некрасову.

В трактовке народности поэзии Некрасова нашёл отражение свойственный самому Достоевскому взгляд на народ и на проблему народности в русской литературе, развитый им впоследствии в его «Речи о Пушкине». Концепция творчества и личности Некрасова, изложенная Достоевским, – это не только попытка проникновения в сущность «чужого» творчества и полемика с современниками на тему личности поэта, это одновременно и декларация своего понимания личности художника и его места в жизни своего времени. Художник – «дитя века», как писал о себе автор «Братьев Карамазовых», и поэтому противоречия времени, в котором он живет и творит, так или иначе, отражаются на его личности и в его творчестве. В этом – сущность подхода Достоевского к Некрасову в «Дневнике писателя».

Примечания

1. Восторженный отзыв Некрасова о романе «Бедные люди» и рассказ о том, как первый роман Достоевского был передан Некрасовым Белинскому, приводится Достоевским в январском номере «Дневника писателя» за 1877 г. Подтверждение этому факту находим также в одной из критических статей Н.А. Некрасова, в которой он отзывался о «Бедных людях» как о произведении «чрезвычайно замечательном», которое именно он представил на суд Белинского (Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. – М., 1952. – Т. 10. – С. 43).
2. О перипетиях во взаимоотношениях Достоевского и Некрасова см.: Туниманов В.А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. – Л., 1971. – С. 33-66; Блинчевская М.Я. Заметки к теме «Некрасов и Достоевский» (40-60-е) // Достоевский. Материалы и исследования. – Вып. 6. – Л., 1985. – С. 201-207; Гин М.М. Достоевский и Некрасов: два мирозерцания. – Петрозаводск, 1985; Скотов Н. Некрасов (Серия ЖЗЛ). – М., 1994; Селезнев Ю. Достоевский (Серия ЖЗЛ). – М., 1990, 2004.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1983. – Т. 25. – С. 28. В дальнейшем ссылки делаются на это издание, в скобках за текстом указываются том и страницы.
4. См. об этом: в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., гл. «Смерть Некрасова. О том, что было сказано на его могиле» [Достоевский 26: 112].
5. См. об этом: Долинин А.С. В творческой лаборатории Достоевского: История создания романа «Подрасток». – Л., 1947. – С. 40; Долинин А.С. Последние романы Достоевского. – М.; Л., 1963. – С. 62, 75; Старикова Е.В. Достоевский о Некрасове // Н.А. Некрасов и русская литература. – М., 1971. – С. 315; Захарова Т.В. Образы Н. Некрасова в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Н. Некрасов и русская литература. Вып. 40. – Ярославль, 1975. – С. 50-70.
6. Специфику литературной параллели как литературно-критического жанра и его развитие в истории литературной критики рассматривает в своей монографии Б.Ф. Егоров (Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Силь. – Л., 1980. – С. 191-201).
7. Фридлендер Г.М. Достоевский-критик // История русской критики: в 2 т. – М.; Л., 1958. – Т. 2. – С. 281.
8. Это отмечено Л. Гроссманом в его работе: Библиотека Достоевского. – Одесса, 1919. – С. 80.

Библиографический список

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. – М., 1982.
3. Блинчевская М.Я. Заметки к теме «Некрасов и Достоевский» (40-60-е) // Достоевский. Материалы и исследования. – Вып. 6. – Л., 1985.
4. Гин М.М. Достоевский и Некрасов: два мирозерцания. – Петрозаводск, 1985.
5. Гроссман Л. Библиотека Достоевского. – Одесса, 1919.
6. Долинин А.С. В творческой лаборатории Достоевского: История создания романа «Подросток». – Л., 1947.
7. Долинин А.С. Последние романы Достоевского. – М.; Л., 1963.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1983. – Т. 25.
9. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. – Л., 1980.
10. Захарова Т.В. «Дневник писателя» и его место в творчестве Ф. М. Достоевского 1870-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1975.
11. Михайловский Н.К. Сочинения. – СПб., 1897. – Т. 5.
12. Селезнев Ю. Достоевский (Серия ЖЗЛ). – М., 1990, 2004.
13. Скатов Н. Некрасов (Серия ЖЗЛ). – М., 1994.
14. Старикова Е.В. Достоевский о Некрасове // Н.А. Некрасов и русская литература. – М., 1971.
15. Туниманов В.А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. – Л., 1971.
16. Фридлендер Г.М. Достоевский-критик // История русской критики: в 2 т. – М.; Л., 1958. – Т. 2.

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ДОСТОЕВСКИХ

В 2006 году исполняется 500 лет дворянскому роду ДОСТОЕВСКИХ, давшему миру одного из самых гениальных писателей в истории мировой литературы. В этом же году отмечается 185-летие со дня рождения и 125-летие со дня смерти Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО и 35 лет со дня открытия музея Ф.М. Достоевского в Ленинграде (Санкт-Петербурге)

500-летие рода Достоевских отмечается 6 октября 2006 года. В 1506 г. именно в этот день основоположник рода, Данила Иванович Ртищич, получил жалованную грамоту на владение сельцом Достоево, по названию которого эта ветвь боярского рода Ртищевых стала прозываться Достоевскими. Это уникальный факт в истории России, когда для выдающегося дворянского рода можно указать календарно точную дату возникновения этого рода, документально засвидетельствованную.

Этот род дал миру не только гениального писателя, но также замечательных деятелей на разных поприщах – священников, физиков, генетиков, литераторов, историков культуры, врачей, архитекторов, статистиков etc. В истории рода Достоевских, так или иначе, отразились практически все перипетии национальной истории второй половины минувшего тысячелетия, и этот род по праву называют «живой моделью» истории России.

СВЯЩЕННИКИ

Акиндий Достоевский (XVII в.) – иеромонах Киево-Печерской лавры. Сохранилась его подпись под актом избрания в сан архимандрита Иосифа Тризны (избрание на Дворянском съезде в Киеве 25 января 1647 г.).

Андрей Достоевский (1756–1821), дед писателя. Приходский священник в селе Войтовцы (соврем. Винницкая область республики Украины).

У биографов Ф.М. Достоевского давно уже не было сомнений в том, что его дед, начавший свою духовную карьеру как униатский священник, после включения земель Брацлавского воеводства в состав Российской империи воссоединился с православием. Сам отец Андрей пишет, что это произошло в 1795 г. и указывает на имя воссоединившего его протоиерея Иоанна Строщкого – известного церковного деятеля того времени, вернувшего в лоно православия более 30 священников Винницкого и др. уездов. Нет никаких оснований думать, что, воссоединяясь с православием, Андрей Достоевский просто «плыл по течению». Скорее